

DOI 10.31029/vestdnc95/15

УДК 39:398.34(544)

ТРАДИЦИОННЫЙ МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В ОБРЯДАХ И ФОЛЬКЛОРЕ

М. Б. Гимбатова, ORCID: 0000-0002-6767-4478

М. К. Мусаева, ORCID: 0000-0002-7024-6984

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

THE TRADITIONAL MATERIAL WORLD OF THE PEOPLES OF DAGESTAN IN RITUALS AND FOLKLORE

M. B. Gimbatova, ORCID: 0000-0002-6767-4478

M. K. Musaeva, ORCID: 0000-0002-7024-6984

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia

Аннотация. В статье по большей части впервые в отечественной этнографии на дагестанском материале сквозь призму обрядовых практик и устного народного творчества выявлена связь вещного, материального мира с духовной составляющей традиционно-бытовой культуры народов Дагестана, исследованы обрядовые действия, включающие материальные компоненты (обрядовая пища и одежда, культовые, сакрализованные предметы и объекты) и их ритуальное значение и функции.

Abstract. Mostly for the first time in Russian ethnography, based on the Daghestan materials, through the prism of ritual practices and oral folk art, the connection of the material world with the spiritual component of the traditional everyday culture of the peoples of Daghestan is revealed, ritual actions involving material components (ceremonial food and clothing, cult, sacral objects) and their ritual significance and functions are investigated.

Ключевые слова: народы Дагестана, материальная культура, обряды, фольклор, ритуалы, магия, символы, знаки, обереги.
Keywords: the peoples of Daghestan, material culture, rituals, folklore, rituals, magic, symbols, signs, amulets.

За прошедшее столетие с внедрением технических новаций в повседневный быт народов Дагестана привнесены значительные изменения в материальный мир, особенно в предметный. Проследить эволюцию предметов, используемых в быту, нетрудно, однако понять изменившийся смысл и ритуальное значение предметов обихода представляется весьма сложной задачей. В связи с этим обращение к тематике материального мира в сакрально-смысловом аспекте культуры народов Дагестана представляется перспективным исследовательским направлением в этнологии.

Целью данной статьи является исследование сквозь призму обрядовых практик и устного народного творчества традиционного материального мира народов Дагестана. Методологической и теоретической основой для исследования послужили принцип историзма, исторической реконструкции, историко-сравнительный (или кросс-культурный) методы.

Актуальность представленной проблемы заключается в том, что, несмотря на достаточную изученность традиционно-бытовой культуры народов Дагестана, исследование взаимосвязи материального мира с духовным миром, сакрального значения объектов домашнего обихода до сих пор не становилось объектом всестороннего научного исследования, хотя материальная культура народов Дагестана – одна из самых хорошо разработанных тем в дагестанской этнографии [1–6]. Для достижения поставленной цели исследованы компоненты материальной культуры (традиционные жилище, одежда, пища и все, что имеет отношение к этим объектам) сквозь призму обрядовой культуры и фольклора, выявлены мировоззренческие и религиозные аспекты предметного мира. Подобный инверсионный подход позволил объяснить происхождение многих этнографических фактов, имеющих «знаковую оболочку» и сакральное проявление.

Традиционный материальный мир эксплицитно отражен в обрядовой культуре и ритуалах, но более всего проявлен в фольклоре. Анализ свадебных песен народов Дагестана показал наличие отчетливых границ мужского и женского предметного мира. Так, неперенными атрибутами для жениха являлись конь и оружие из чистого серебра, для невесты – большой сундук с приданым и украшения. В ногой-ской свадебной песне перечисляются постельные принадлежности, составляющие обязательную часть приданого невесты:

Эки ястык, бир тосек	Две подушки, один матрац
Котеригиз аркъагъа,	Взвалите на спину,
Келин алып келемиз,	Невесту мы везем
Тамирлан дегъен манкъагъа.	Курносому Тамерлану [7, с. 49].

Свадебный дарообмен, составляющий важную часть свадебных обрядов, также нашел отражение в песнях народов Дагестана. Например, у лезгин требованием, предъявляемым к сватам, было наличие в комплекте свадебной одежды невесты шелкового наряда и кружевного платка, сапожек, наперстка и гребня:

Вири либас пекдин яз хъайитIа,
 Тебриз чивекар рикIелай алудмир.
 Тебриз чивекрихъ къадай
 Къацу башмакъар рикIелай алудмир.
 Вири лагъай шеэр – гъваш,
 Яру шаршав, михи дугъуьрани гъваш,
 Лазим затI – тупIал (къуба), зунжур гъваш,
 Магъидин регъ рикIелай алудмир,
 Яру перемдихъ къадай
 Къидирдин шаршав гвачиз къвемир.

Весь наряд если шелковый,
 Тебризские сапожки не забудь.
 Подходящие к тебризским сапожкам
 Зеленые башмаки не забудь.
 Все, что наказал я, – привези,
 Шелковый красный платок – чистый *дугъуьр* также привези,
 Нужную вещь – наперсток с цепочкой привези,
 Костяной гребень не забудь.
 К красной рубахе подходит дарай и платок из Герата,
 Из лучшего дарая архалук (бешмет),
 Без кружевного платка не приходи [8, с. 177].

Неперенным атрибутом свадебного наряда невесты были и украшения. В табасаранской песне по-ется о богатом свадебном наряде невесты, увешанном серебром:

Баккурайн арсран камар,	Серебряный бакинский пояс,
Къизил палат, Суна-бажи.	Платье золотое, Суна-бажи.
Шубуд агъзур арсар али,	Три тысячи серебра на тебе,
Алагюзли, суна-бажи.	Любимая Суна-бажи [9, с. 146].

Обязательным подарком невесте было кольцо, символизирующее скрепление брачных уз. У даге-станских терекменцев родственница невесты пела:

Гызымыз эриклиди, урюклюдю.	Наша дочь прекрасна,
Алхинасы яхилитди.	Алой хной покрыта,
Къызыл юзюгю тахилитди,	Золотое кольцо надето.
Вермерик, гызы вермелик,	Не отдадим дочь, не отдадим,

Аши бишмиш, гудалар,	Хотя и плов готов,
Устю кишмиш, гудалар,	И он кишмишем посыпан.
Бизин сыйлы, гудалар,	Дорогие наши сваты,
Илан санчмыш гудалар.	Укушенные змеей сваты [10, с. 173].

Нашли отражение в повествовательных жанрах устного народного творчества народов Дагестана и хозяйственные предметы. В преданиях, изобличающих скупость, фигурирует сито – сакральный предмет в народной культуре дагестанцев. У народов Дагестана бытует поверье, что перед выносом покойника впереди идут его добрые дела. Так, в ногойской притче впереди почившей, не отличавшейся при жизни щедростью, катилось одно сито, когда-то одолженное соседке [11, с. 53–54].

Предметы повседневного быта в фольклоре также наделяются чудодейственной силой. В сказке «Три девушки и четыре елмавыза»* героям волшебной сказки справиться с трудностями, возникающими во время выполнения невыполнимых (архисложных) заданий, помогают гребень, зеркало и кусочек бараньего сала [12, с. 129–132].

Информация о предметном мире, который окружал людей, содержится в малых фольклорных формах, в частности в загадках. Через загадки, игрушки (уменьшенные копии хозяйственных предметов) детям с малых лет в доступной форме передавались сведения о предметах, используемых в быту. Например, «*Алаша къатын уйи сибире*» (Маленькая женщина в доме подметает) (веник) (кум.), «*Йол ичинда йогул гарри*» (Посреди дороги толстая старуха) (хлебная печь) (азерб.), «*Бири соя бара ятыр, бири тыга бара ятыр*» (Один идет, режет, другой идет – откидывает) (плуг) (ног.), «*Алаша гиши чали эше*» (Маленький мужчина забор строит) (топор) (кум.), «*Меним даим йыхылды, гъулахлары илишди*» (Мой дяденька провалился да ушами зацепился (кинжал и ножны) (азерб.), «*Алчах киши чапар орур*» (Низкий мужчина забор плетет (шило) (терек.) [13, с. 291–292].

Значительная роль отводилась бытовым предметам в семейной обрядности народов Дагестана. Переметная сума (хурджин) с хлебом и стропа для привязи осла использовались в досвадебных традициях аварцев для выяснения согласия на брак: переметную сумку с хлебом оставляли на заборе предполагаемой невесты; если сумку забирали в дом и меняли хлеб, то это означало согласие, оставалась висеть – отказ. Такую же функцию выполняла и веревка для привязи осла: одалживали, значит, можно поговорить о браке; не одалживали под благовидным предлогом – отказ [15, с. 1103].

К обрядам свадебного цикла относилось приобщение новобрачной к семейному очагу, входившее в цикл обязательных послесвадебных обычаев почти всех дагестанских и северокавказских народов. Новобрачную подводили к семейному очагу и водили вокруг него, затем останавливали и предлагали посмотреть на огонь, после чего пожилая, уважаемая женщина грела ладони над огнем и гладила ими лицо невесты, как бы приобщая ее к семейному очагу [11, с. 150]. Приобщением к новой семье считалось и прикосновение молодой невестки к надочажной цепи, так как дотронуться до нее могли только члены семейства.

Обряд приобщения к домашнему очагу или, как его иначе называли, ввод в большую семейную комнату сопровождался и действиями религиозно-магического характера с использованием предметов домашней утвари. Символами главной хозяйки в большой (неразделенной) семье у тюркоязычных народов и некоторых народов Южного Дагестана считались ключи от кладовых, которые всегда находились при «старшей» женщине, и разливательная ложка (половник), взять которую могла только она или в ее отсутствие доверенная помощница. В таких неразделенных семьях, как только новобрачная входила в общую комнату, свекровь ставила большое деревянное корыто для замешивания теста с ситом ей на голову, что означало передачу ей ведения домашних дел и обязанностей по обслуживанию семьи [14, с. 267].

Приданое, в которое входили постельные принадлежности (матрасы, подушки, одеяла, ковры), посуда, кухонная утварь, водоносные кувшины, всегда находилось в распоряжении молодой. В с. Кубачи нукнусы – небольшие ведра на трех низеньких литых ножках, использовались только один раз на свадьбе молодых. В дальнейшем эти ведрообразные сосуды служили в качестве украшения интерьера и

*Елмавыз – мифический персонаж, аналогичный Албаслы (антагонист рожениц); людоедка, похитительница детей.

являлись признаком зажиточности и семейного благополучия кубачинцев [16, с. 64]. Таким же маркером зажиточности невесты у народов Дагестана считались медные тазы разных размеров, особенно с гравировкой и чеканкой, которые развешивались на стенах, красивые медные котлы, которые выставлялись на ларях-хранилищах зерна, муки и других продуктовых запасов для обозрения в хозяйственной комнате.

Заметная роль в «предметном мире» отводилась некоторым атрибутам домашнего обихода, особое место среди которых занимал веник. Ему приписывали магические свойства как положительного, так и отрицательного характера (веник использовали для испытания девушки на трудолюбие, при лечении бесплодия, для отпугивания злых духов от роженицы и новорожденного, нечистой силы в доме, привлечения достатка, меняя направление движения веника в зависимости от времени суток, уничтожали после использования в комнате с покойником как источник отрицательной энергии, способный навредить живым, и т.д.).

Символическое значение для горцев Дагестана имел опорный (центральный) столб в доме, с которым связаны различные семейные предания, на нем вырезались памятные даты, развешивались семейные реликвии. Опорный столб как символ нерушимости семьи фигурировал и в плачах по хозяину дома, и в притчах о нелегкой жизни вдов, о воспитательных традициях [17].

Особым почитанием в семье пользовался еще один предмет материального мира, передававшийся по наследству, – люлька. Связанные с этим имеющим различные конфигурации предметом (пространство для ребенка, предмет интерьера, промысла, искусства) предания, суеверия и обряды своими корнями уходят в глубокую древность и направлены, по народным представлениям, на обеспечение безопасности и здоровья младенца [18].

Знаковость и символизм имела и женская одежда, украшения, инструменты для шитья и рукоделия, даже лоскуты. У терекеменцев, если в семье один за другим умирали дети, очередному новорожденному «для спасения жизни» шили куртку из лоскутов ткани, собранных из 40 домов [10, с. 180]. У кумыков для отвлечения внимания злых духов от ребенка было принято шить курточку («тиленчи тэшлюк») из лоскутов ткани, собранных в 7 или 9 домах соседей. Для усиления магических свойств курточки на ее плечо пришивали маленькие хурджунчики, а на спину – различные амулеты. В хурджунчик помещали монеты, кусочки сахара, хлеба, орехи, символизирующие подаяние. По народным представлениям, такая безрукавка «нищего», которую ребенок носил от 40 дней до 1 года, якобы оберегала ребенка от болезней [14, с. 281].

В общественных институционализированных обычаях, к каковым относится обычай взаимопомощи, все молодые девушки получали от хозяев – организаторов работ по нарядному лоскуту; чем чаще участвовали девушки в таких работах, тем больше собиралось у них лоскутов [15, с. 1105]. Активность девушек в коллективной работе способствовала созданию им положительного имиджа будущих работающих, хозяйственных жен. У отдельных народов Юго-Западного Дагестана (тиндалов, багулалов, хваршин) из лоскутов шились девичьи накосники (известное чохто, чухтурус) [19, с. 113], лоскутные одеяла для приданого.

По головному убору, покрою, расцветке, орнаменту на платье можно было определить принадлежность женщины к определенному обществу, ее социальный статус и возраст.

Традиционная женская одежда народов Дагестана, особенно праздничная, изобиловала украшениями, которые в большинстве своем имели магико-символическое значение и одновременно выполняли эстетические и охранительные функции. В частности, утрата сорванной во время ссоры с головы арчинки специальной левосторонней цепи считалась позором, равнозначным потере чести.

Символами чести у отдельных народов считались и некоторые предметы гардероба, «лишение» которых означало нанесение оскорбления. В частности, штаны, снятые у ругуджинки во время драки и оказавшиеся в руках соперницы, давали той ощущение победы, даже если она физически больше пострадала, нежели ее противница. Это же касалось снятой с мужчины папахи и снятого мужчиной с головы женщины платка. И то, и другое считалось унижением достоинства и предполагало неотвратимое возмездие.

Женский платок, брошенный между двумя конфликтующими мужчинами, служил также символом прекращения поединка и предотвращения возможного кровопролития. Прекращению кровной мести

способствовало и коленопреклоненное положение и касание убийцы своей головой (если удавалось) подола платья матери убитого как символ смирения, подчинения и покорности, что подразумевало, по древним представлениям, перерождение кровника в сына.

И в мужской, и в женской одежде знаковость и символизм имел пояс, его использование в обрядах подтверждает древность его происхождения. В частности, матерчатый пояс женщины играл сакральную роль в свадебном обряде хваршин. Во время брачной ночи друзья жениха своеобразно «помогали» ему, устраивая обряд «кушаха»: устанавливали вертикально на плоской крыше дома, где это происходило, каменный каток для утрамбовки земли, перевязанный красным поясом-кушаком. Этот обряд, призванный предотвратить бессилие жениха, ни что иное, как прием имитативной магии, где каток – символ мужского начала, а красный кушак – женского [20, с. 100].

Считалось также, что определенная одежда могла придать человеку особые свойства, в частности ряженые и пахарь в вывернутой наизнанку шубе на календарных праздниках становились символами плодородия.

Предполагалось, что сама одежда и дополнительные обереги – украшения одежды должны были охранять человека от сглаза и других вредных действий вне дома – на территории, которая, особенно в вечернее время, якобы была наполнена злыми, потусторонними силами. В одежде магическим охранительным узором покрывались в первую очередь «отверстия»: ворот, подол, рукава, через которые якобы всевозможные зловредные духи могли пробраться к телу человека.

Обязательными на всех мероприятиях, насыщенных обрядовыми действиями (сватовство, свадьба, рождение ребенка, поминки, религиозные и календарные праздники), были специальные блюда из злаков и бобов, символизировавшие плодородие и богатство, а для покойника «служили» насыщением его души.

Магические свойства, приписываемые предметам материального мира, должны были помогать людям и в загробной жизни. Так, в могилу умершей беременной женщины клали ножницы, веря, что она может родить в могиле, а ножницы ей понадобятся, чтобы перерезать пуповину; к умершей ковровщице, не успевшей выткать ковер, в могилу клали его незаконченным; молодую невестку, недавно вышедшую замуж, хоронили в свадебной одежде со всеми украшениями, с какими она пришла в дом мужа, и т.д.

Таким образом, традиционный материальный мир народов Дагестана, вобрав в себя фольклор, отголоски домонотеистических верований и представлений, придал некоторым элементам жилища, бытовым предметам, интерьерным объектам, одежде, отдельным блюдам сакральность и знаковость, став частью широко и повсеместно презентуемой обрядовой культуры, которая и сегодня прочно занимает определенную нишу в духовной повседневности народов Дагестана.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура кумыков. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1960. 171 с.
2. Материальная культура аварцев / под ред. *М.М. Ихилова*. Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1967. 305 с.
3. Материальная культура даргинцев / под ред. *С.Ш. Гаджиевой, М.О. Османова, А.Г. Пашаевой*. Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1967. 301 с.
4. *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1976. 227 с.
5. *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин. XIX – нач. XX в. М.: Наука, 1978. 303 с.
6. *Мусаева М.К.* Традиционная материальная культура малочисленных народов Западного Дагестана (Панорамный обзор). Махачкала: ИД «Народы Дагестана», 2003. 127 с.
7. *Гимбатова М.Б.* Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX в. Махачкала: ИД «Эпоха», 2005. С. 188 с.
8. *Вагабова Ф.* Традиции и новаторство в творчестве основоположника лезгинской литературы Етима Эмина // Учен. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР. Т. XV. Махачкала, 1975. С. 176–177.
9. *Алимова Б.М.* Табасаранцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1992. 264 с.
10. *Гаджиева С.Ш.* Дагестанские терекеменцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1990. 216 с.
11. *Гимбатова М.Б.* Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). Махачкала: ИД «Эпоха», 2007. 344 с.

12. Ногайские народные сказки / сост.: А. Ногай. М., 1979. 184 с.
13. Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – нач. XX в.). Махачкала: ИД «Эпоха», 2014. 392 с.
14. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1985. 358 с.
15. Мусаева М.К. Нить, лоскут, ткань в традиционной обрядовой культуре народов Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19, № 4. С. 1095–1109.
16. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 222 с.
17. См.: Алимова Б.М., Гимбатова М.Б., Мусаева М.К. Жилище народов Дагестана как объект духовной культуры // Манускрипт. 2018. № 12-2 (98). С. 188–192.
18. См.: Мусаева М.К. Детская люлька в традиционном быту народов Дагестана (культурные конфигурации) // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках : сб. статей к 100-летию со дня рождения Л.И. Лаврова. СПб., 2010. С. 201–210.
19. Мусаева М.К., Гимбатова М.Б. Женский головной убор «чухта» и его разновидности у аварцев // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9, № 4. С. 107–118.
20. Мусаева М.К. Хваршины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1995. 251 с.

Поступила в редакцию 01.09.2024 г.
Принята к печати 23.12.2024 г.

* * *

Гимбатова Мадина Багаутдиновна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: gimbatova@list.ru

Madina B. Gimbatova, Doctor of History, leading researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Centre of RAS; e-mail: gimbatova@list.ru

Мусаева Майсарат Камиловна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: majsarat@yandex.ru

Maisarat K. Musaeva, Candidate of History, leading researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of RAS; e-mail: majsarat@yandex.ru